

БАГРОВЫЙ ПАЛАЧ

САДКИН ДАНИИЛ

18+

Даниил Садкин
Багровый палач

«Автор»

2026

Садкин Д.

Багровый палач / Д. Садкин — «Автор», 2026

Мир — это помойка. Тебе ли не знать, когда ты каждый день видишь эти лживые лица в офисе. Но один вечер меняет всё. Измена. Дешевое пойло. Разбитые в кровь кулаки. И сон... страшный, реалистичный сон, где ты — не ты, а жуткая фигура в багровом пальто, карающая тех, кто сломал твою жизнь. А утром ты просыпаешься, и их действительно больше нет. Ты думал, это дар? Нет, это приговор. И не только для них. Ты стал Багровым палачом. Теперь ты карающая длань, призванная вычистить этот город. Ты устраняешь тех, кому жизнь дана зря. Ты думаешь, ты спасаешь мир. Но кто спасет тебя от Него, когда ты сам станешь частью этой скверны?

© Садкин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Симфония стакана	5
Глава 2: Анатомия вознесения	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Багровый палач

Глава 1: Симфония стакана

Он узнал об этом в четверг. Самое мерзкое время для предательства. Не понедельник, когда ненависть можно сплавить с рабочей рутинной, и не пятница, когда ее можно утопить в шумном баре, полном чужих равнодушных спин. Четверг — день-перевертыш, день-сквозняк, когда прошлое уже прогнило, а будущее еще не наступило. Именно в четверг воздух в офисе становится похож на старую вату, пропитанную ядом чужих амбиций.

Артем стоял у кулера с водой, когда услышал. Вернее, не услышал — почувствовал. Запах ее духов, «Black Opium», сладкий и порочный, вдруг ударил в ноздри, хотя ее здесь быть не могло. Она работала в другом конце города, в маркетинговом аду стеклянного бизнес-центра «Федерация». Он повернул голову, ловя ртом спертый кислород опенспейса, и увидел *его*.

Вадим Строганов. Мужчина с лицом дорогого манекена и голосом, от которого у Артема всегда сводило челюсть — такой он был елейный, бархатистый, словно наждачная бумага, замотанная в шелк. Строганов держал телефон возле уха небрежно, двумя пальцами, как держат бокал с виски в рекламе для тех, кто никогда не пил хороший виски. И он говорил. Нет, он мурлыкал в трубку, растягивая гласные так интимно, что даже потолочная плитка, казалось, покраснела.

— ...нет, зайка, я все уладил. Конечно, он не узнает. Тема? Да он у нас в облаках витает, вечно с этой своей унылой физиономией. Если бы не его контракт с «Северсталью», его бы давно поперли. Брось, не говори о нем. Я соскучился по родинке у тебя под... — тут Строганов заметил Артема, замершего у кулера со стаканчиком в руке. Стаканчик был бумажный, дешевый, с коричневым ободком, и в этот момент он показался Артему единственной реальной вещью в этом внезапно накренившемся мире.

Строганов не испугался. Он ухмыльнулся. Уголок его сытого рта пополз вверх, обнажая безупречную керамику зубов. Это была не улыбка победителя, нет. Это была улыбка хозяина положения. Он плавно, как змея, убрал телефон в карман брюк, поправил запонку и кивнул Артему — почти дружелюбно, покровительственно.

— Остынь, Артем. Вода с кулера — дерьмо, кстати. Закажи доставку нормальной, — бросил он, проходя мимо в переговорную, и от его пиджака пахло тем самым «Black Opium».

Артем остался стоять. Внутри него что-то медленно, со скрежетом, проворачивалось. Словно огромный ржавый винт ввинчивался в грудную клетку, нарезая резьбу прямо по ребрам. Он смотрел вслед Строганову и видел не его широкую спину и не дорогую стрижку, а родинку под ключицей Леры. Ту самую, которую он целовал каждое утро, ту самую, в форме крошечного полумесяца, перевернутого вверх рогами.

Звук в офисе исчез. Он провалился в вакуум. Люди вокруг открывали рты, стучали по клавиатурам, но для Артема наступила абсолютная, звенящая тишина, в которой гулко и тяжело билось только одно: «Зайка. Зайка. Зайка».

То, что произошло дальше, он не особо помнит: он позвонил Лере, она что-то ему сказала, потом он сорвался на неё, что-то прокричал, бросил трубку. Артем был не из тех людей, кто мог бы простить измену. Потом он направился к начальнику и сказал, что уезжает домой.

Тело двигалось на автопилоте, запрограммированном на выживание. Метро, серые лица в вагоне, чья-то собака-поводырь с мудрыми глазами, запах подгоревших пирожков из перехода. Все это было декорацией к спектаклю, главную роль в котором играла сверлящая боль в солнечном сплетении. Это была не обида. Обида — удел слабых, это ванильная горечь подростка. Это была именно *ненависть*. Она была горячей, сухой и всепоглощающей, как ветер

из пустыни. Она выжигала внутри него сады, в которых еще вчера цвели их совместные планы на отпуск в Калининграде, она превращала его душу в спекшуюся, потрескавшуюся землю.

Квартира встретила его затхлой тишиной. Квартира-студия, которую они выбирали вместе, с окнами во двор-колодец. Здесь все еще витал дух Леры — забытая заколка на подоконнике в виде стрекозы, ее кружка с недопитым чаем (на стенках остался красный след от помады, похожий на улику с места преступления), легкий запах ее крема на подушке. Раньше это умиляло, теперь же каждая мелочь вонзалась в него осколком стекла.

Он не стал включать свет. Сумерки сгущались за окном, напоявая на комнату серой плесенью. Артем прошел на кухню, грохоча ботинками по ламинату. На столе, заляпанном засохшими каплями соевого соуса, стояла початая бутылка дешевого виски. Пойло, которое он покупал исключительно для того, чтобы чувствовать себя дерьмом. Хороший виски нужно пить в радости, смаковать, согревая бокал в ладони. Плохой виски пьют, чтобы забыться, чтобы сжечь слизистую и нейроны, чтобы залить огонь внутри пожаром снаружи.

Он не стал брать стакан. Сделал глоток прямо из горла. Жидкость обожгла гортань, словно раскаленная лава пополам с химическими отходами. Вкус был отвратительный — смесь дешевого спирта, карамельного колера и чьих-то несбывшихся надежд. Он пил жадно, большими глотками, пока уровень в бутылке не опустился до середины.

В голове набатом стучало одно: «Он. И она. Он и она в постели. Он и она смеются. Он и она обсуждают меня, унылого Тему с облаков...».

Эта мысль была невыносима своей обыденной пошлостью. Если бы Лера ушла к какому-нибудь талантливому художнику-алкоголику или опасному байкеру с татуировкой змеи на шее — это была бы трагедия. Это можно было бы эстетизировать. Но она ушла к Строганову. К менеджеру среднего звена с идеальным пробором и кредитным «Лексусом». К человеку, который говорит «зайка» и считает, что Багратион — это марка коньяка. Эта пошлость ситуации разрывала его на части сильнее любой боли. Она обесценивала не только их любовь, но и его собственное существование.

«Унылая физиономия». Он подошел к зеркалу в прихожей, освещенному тусклым светом из кухни. Стекло было мутное, заляпанное, в нем он отражался каким-то серым, размытым пятном. Он всмотрелся в свои глаза. Зрачки были расширены от алкоголя и темноты. В них плескалась такая черная, первобытная злоба, что он сам на секунду испугался. Это были глаза не человека, а зверя, попавшего в капкан и готового отгрызть себе лапу.

— Зайка, — прошептал он в пустоту, и это слово упало в тишину, как комок ржавчины.

Рука сама потянулась за стаканом, стоявшим на сушилке. Толстое стекло, граненое, тяжелое. Он вернулся в комнату. На стене висел постер группы «Порнофильмы» — подарок Леры, ирония судьбы. Ярость требовала выхода. Ему нужно было что-то разбить. Не просто бросить подушку или хлопнуть дверью. Ему нужен был звук — чистый, громкий, смертельный звук разрушения, который перекроет этот липкий шепот в голове: «Зайка, зайка, зайка».

Он размахнулся и швырнул стакан в стену. Стакан попал не в постер, а в кусок голой бетонной стены рядом, и взорвался ослепительным фейерверком. Звон получился великолепный, многоголосый, почти музыкальный. Осколки бриллиантовым дождем брызнули на пол, на диван, вонзились в голую ступню Артема, но он не почувствовал боли. Он смотрел на крошево стекла под ногами, и оно казалось ему застывшими слезами. Или осколками его собственной жизни, разбившейся в этот четверг.

Он допил виски. На этот раз глоток показался пресным, как вода. Алкоголь перестал жечь, он стал анестезией. Ноги подкосились, и он рухнул на диван лицом вниз. Пружины жалобно скрипнули, принимая его тело. В нос ударил запах старой обивки, пыли и ее духов, ввевшийся в подушку. Последняя связная мысль, мелькнувшая в его гаснущем сознании, была ужасна в своей простоте: «Я хочу, чтобы они исчезли. Просто. Исчезли».

И тьма, плотная, вязкая, как смола, сомкнулась над его головой.

Он не спал. Сон — это когда ты теряешь контроль, когда образы навязаны хаосом уставшего мозга. С ним происходило нечто иное. Это была полная, стерильная, беззвучная смерть сознания, а затем — мгновенное, рывковое включение в новую реальность. Он больше не чувствовал дивана, запаха виски, боли в порезанной ступне. Тела не было.

Был только *взгляд*.

Это было самое странное ощущение — обладать зрением, но не обладать плотью. Он парил, но не в воздухе. Он висел в какой-то вязкой субстанции, похожей на теплый кисель из марганцовки. Мир перед ним был *размытым*. Не так, как в плохо сфокусированной камере, а так, будто он смотрел сквозь толщу грязной воды или сквозь старую слезу. Контуры предметов дрожали, расплывались, краски смешивались в грязные акварельные пятна.

Улица. Точно, это была улица. Серая, промозглая, ноябрьская. Фонари желтыми разводами расплывались в тумане, словно кто-то мазнул масляной краской по мокрому холсту. Сырой асфальт блестел, отражая свет витрин, и казался поверхностью бесконечного, бездонного озера. И в этом озере, в этом размытом, текучем мире, двигалось что-то.

Фигура.

Она была единственным предметом в поле зрения, который обладал резкостью, плотностью и весом. Словно кто-то вырезал этот силуэт из ткани другой, более реальной, более жуткой вселенной и вклеил сюда.

Фигура в темной одежде и красном пальто.

Пальто было алым. Не просто красным, а именно алым — цвета свежей артериальной крови, цвета опасности, цвета пожара. Оно ниспадало до самой земли тяжелыми, гладкими складками, не колышимыми ветром. Оно было словно выточено из огромного цельного рубина. Под пальто угадывался силуэт — высокий, худой, неестественно прямой. Спина была напряжена, как натянутая тетива арбалета. На голове — то ли капюшон, то ли шляпа с широкими полями, скрывающая лицо в глубокой, непроглядной тени. Тени настолько густой, что там, казалось, могли жить только пауки и страх.

Артем не управлял фигурой в привычном смысле слова. Не было мысленной команды «иди налево» или «подними руку». Вместо этого существовала странная, пульсирующая нить *намерения*. Он не отдавал приказ, он испытывал *желание*. Желание настолько сильное, что оно текло по этой невидимой пуповине из его спящего, отравленного алкоголем мозга в эту фигуру.

Туда. К тому дому. Где она.

И фигура двинулась. Не пошла, а потекла. Каблуки тяжелых ботинок бесшумно касались мокрого асфальта. В размытом мире, где звуки были приглушены, как сквозь подушку, шаги Фигуры были единственным ритмичным биением. *Тук. Тук. Тук.* Этот звук отдавался не в ушах — ушей не было. Он отдавался прямо в ядре того сгустка ненависти, который был сейчас сознанием Артема.

Он подошли к парадной. Лера жила в старом доме с высокими потолками и неработающим лифтом. Фигура остановилась у массивной двери с домофоном. В размытом зрении лампочка над подъездом казалась раздавленным желтком. Палец Фигуры — длинный, бледный, с ухоженным ногтем, но с черной каймой под ним, словно под кожей запеклась кровь, — нажал на кнопку. Не глядя, наугад. Или точно зная номер. Раздался длинный, противный писк в той звенящей пустоте, где у Артема раньше были барабанные перепонки. Щелкнул замок. Дверь отворилась, и в лицо (или в то место, где должно было быть лицо) пахнуло запахом сырой штукатурки и кошачьей мочи — единственные запахи, которые пробивались сквозь размытость.

Лестница. Ступени стертые, с выбоинами. Фигура поднималась плавно, не сбивая дыхания. Вообще не было слышно дыхания. Только шорох тяжелого алого пальто по бетонным ступеням. На площадке второго этажа стоял старый велосипед без колеса — смутное, искрив-

ленное пятно ржавчины. На третьем — детская коляска, похожая на скелет какого-то доисторического животного.

Четвертый этаж. Квартира 42. Обшарпанная дверь из ДСП, обитая дерматином, из которого торчал желтый поролон. Изнутри доносилась музыка. Приглушенная, басы долбили в стену, отчего в размытом мире дрожало само пространство. Играло что-то приторное, попсовое — она любила такое. Лера всегда включала эту музыку, когда хотела создать «настроение». Настроение для измены, значит.

Фигура подняла руку и постучала. Не кулаком — костяшками пальцев. Три коротких, вежливых удара. *Тук-тук-тук.*

Внутри что-то зашуршало. Смех. Ее смех. Этот переливчатый, стеклянный звук, от которого раньше у Артема теплело в груди, теперь вызывал только спазм ледяного отвращения. Он проник сквозь дверь, сквозь дерматин и поролон, и вонзился в фигуру в красном.

— Кого там еще черти принесли? — голос Леры был смазан алкоголем и ленивым возбуждением.

Дверной глазок на секунду потемнел. Она смотрела.

— Кто это? — уже тише, с ноткой недоумения.

Фигура молчала. Красное пальто тяжело свисало в полумраке лестничной клетки. Тень под капюшоном была чернее космоса.

Артем почувствовал, как *намерение* внутри него сжимается в тугий, раскаленный шар. Он хотел, чтобы она открыла дверь. Он приказывал этому миру, чтобы она открыла дверь. И щелкнул замок. Лера всегда была любопытной, даже глупо любопытной. Она открыла дверь нараспашку, даже не накинув цепочку. Она стояла на пороге, завернутая в его любимый шелковый халат персикового цвета. Волосы растрепаны, на щеке — след от подушки или от чужой щетины. В руке — бокал с вином.

В размытом зрении ее лицо было особенно уродливым. Оно плыло, искажалось. Черты, которые он так любил, казались нарисованными на грязном стекле и тронутыми водой. Только глаза оставались точками яркого, панического света.

Она успела открыть рот. Возможно, хотела спросить «Вы к кому?» или «Что вам нужно?». А может, она узнала что-то в этом силуэте, что-то нечеловеческое, и хотела закрыть чать.

Она не успела.

Фигура сделала шаг вперед, пересекая порог. Движение было быстрым, как удар змеи, но плавным, как в замедленной съемке. Время в этой реальности текло по другим законам. Одна рука взметнулась вверх — ладонь была бледной, с длинными пальцами пианиста, но без единой линии жизни. Эта ладонь схватила Леру за горло. Не грубо, не с хрустом, а с чудовищной, неотвратимой нежностью. С той нежностью, с какой садовник берет спелый плод, чтобы сорвать его с ветки.

Глаза Леры расширились. В них плескался ужас и непонимание...

Фигура наклонилась к ее лицу. Ближе. Еще ближе. И из-под капюшона, из этой бездонной черной ямы, раздался голос. Он не был похож ни на мужской, ни на женский, ни на человеческий. Это был шелест опавших листьев, скрежет ржавых петель, звук, с которым рвется бумага. Это был сам звук *Ненависти*, обретший форму слова.

— *Неверная.*

Одно слово. Простое и древнее, как сама смерть.

Пальцы сжались. Сильнее. Халат пополз с плеча Леры, обнажая ту самую родинку. Родинку в виде перевернутого полумесяца.

В это мгновение Артем, парящий в сером киселе небытия, почувствовал самое страшное и самое прекрасное чувство в своей жизни — *освобождение*. Он смотрел, как жизнь угасает в

этих знакомых глазах, и боль, которая жрала его последние несколько часов, начала отступать. Ее место занимала тяжелая, черная, бархатная пустота.

Тело Леры обмякло и рухнуло на пол, как сломанная кукла. Бокал с вином выпал из ее руки и разбился о паркет, забрызгав алым пол, словно эхо пальто Фигуры. Фигура перешагнула через тело, не глядя под ноги, и двинулась в глубь квартиры, на звук льющейся в ванной воды.

Вадим Строганов даже не понял, что случилось. Он стоял спиной к двери, вытирая руки полотенцем. На нем были только трусы, демонстрирующие его холеное, подтянутое в спортзале тело. Он что-то напевал себе под нос — ту самую попсовую мелодию. Идеальный пробор, даже в час интимной близости, лежал волосок к волоску.

Фигура в красном пальто стояла в дверях ванной и ждала. Терпеливо. Как статуя. В размытом зрении кафельная плитка ванной казалась искореженной, плывущей, словно стены плакали. Пар от горячей воды клубился, делая фигуру еще более зловещей.

Строганов обернулся. Он замер с полотенцем в руках. Его лицо, лишенное привычной лощеной маски, вдруг стало бабым, испуганным. Он увидел перед собой не человека — он увидел приговор.

— Э... ты кто? Лер, у нас гости? ЛЕРА! — голос сорвался на фальцет.

Он попытался прорваться в дверной проем, мимо Фигуры. Движение было сильным, отчаянным. Он был тяжелее и физически крепче Леры. Но Фигура была сделана не из плоти. Рука в красном рукаве взлетела и ударила его в грудь открытой ладонью. Удар был не сильным, скорее, направляющим. Строганов отлетел назад, поскользнулся на мокром полу и с грохотом влетел спиной в стеклянную душевую кабину. Стекло треснуло, но выдержало. Затылок Вадима глухо стукнулся о кафель, и его глаза на мгновение закатились.

Артем смотрел на это сверху вниз, но одновременно из-под капюшона. Это была шизофреническая двойственность. Он был и палачом, и зрителем. И в этот момент он увидел Строганова не как любовника Леры, а как *причину*. Он увидел его вздутые вены на висках, его дорогой парфюм, его щетину, которой он терся о ту самую родинку. И ненависть, которая только что была холодной и отстраненной, вдруг вспыхнула белым калением.

Фигура наклонилась и подняла с пола осколок зеркала. Длинный, заостренный, похожий на готический кинжал. В нем отразился дрожащий, искаженный страх на лице Вадима Строганова.

— *Ничтожество*. — прошелестел тот же голос.

Это было последнее, что услышал Строганов.

Движение осколком было точным и анатомически выверенным. Под левую ключицу, вверх, туда, где бьется сердце. Даже не в сердце, а под него, чтобы захлебнулся кровью. Удар. Еще один. Алые брызги ударили в белоснежный кафель, смешиваясь с паром и водой.

В размытом мире цвета взбесились. Серый фон лестничной клетки, желтый свет квартиры, а теперь — яркое, пульсирующее *красное*. Цвет пальто перестал быть одеждой, он стал самим воздухом этой реальности. Стены ванной покрылись алыми разводами, словно кто-то плеснул ведро краски на мокрую акварель.

Артем смотрел на агонию Строганова и не чувствовал ни торжества, ни ужаса. Только *завершение*. Словно он поставил точку в конце особенно мерзкого, затянувшегося абзаца. Фигура выпрямилась. Осколок зеркала выпал из ее пальцев и со звоном разбился о плитку, усеяв пол новыми, мелкими осколками. Теперь весь пол был в алых ручейках, бегущих к сливному трапу.

Фигура вышла из ванной, ступая аккуратно, не запачкав подол пальто. Прошла мимо тела Леры. На мгновение остановилась. Взгляд упал на родинку-полумесяц. И Артем вдруг с пронзительной, непереносимой ясностью понял, что эту деталь, эту крошечную галактику на теле любимой женщины, он будет помнить вечно. И эта память будет слаще любой мести.

Фигура опустилась на одно колено. Рука в красном рукаве протянулась и кончиками ледяных пальцев коснулась родинки. Движение было почти любовным. Прощальным. Затем Фигура выпрямилась и, не оборачиваясь, вышла в темный проем лестничной клетки.

Мир начал стремительно сжиматься. Воронка. Огромная черная воронка засасывала в себя и дом, и улицу, и серый свет фонарей. Размытость становилась невыносимой, краски текли вниз, как с картины, которую сунули под дождь. Последнее, что увидел Артем перед тем, как провалиться в небытие, — это подол алого пальто, исчезающий за поворотом лестницы. Ткань не развевалась. Она была тяжелой и неподвижной. Как свернувшаяся кровь.

Он проснулся от жажды. Во рту была пустыня Сахара, смешанная с пеплом и старой медной монетой. Язык прилип к небу, словно его приклеили суперклеем. Голова раскалывалась, но не так, как обычно после пьянки — тупой, ноющей болью, а резкими, пульсирующими ударами, словно кто-то забивал гвозди в виски маленьким серебряным молоточком. В комнате было светло и невыносимо тихо. Только холодильник гудел на кухне — монотонно, как погребальная мантра.

Он лежал на диване в той же позе, в какой рухнул вчера. Одежда помята, одна штанина задралась до колена. Порезанная ступня саднила, простыня в пятнах засохшей крови. Постепенно, толчками, в сознание начала просачиваться реальность. Но она была странной, двойственной.

Первое воспоминание — офис, кулер, запах «Black Opium», родинка под ключицей. Это вызвало привычный, уже знакомый спазм ненависти в животе.

Второе воспоминание было размытым, текучим, как импрессионистское полотно. Серые стены, алый силуэт, стеклянный звон. Он помнил руку на горле Леры. Помнил этот жест с нечеловеческой, ужасающей отчетливостью. Это было *слишком* детально для простого сна. Сны выветриваются с похмельем, оставляя лишь привкус иррационального. А это воспоминание было плотным. Оно имело запах — запах сырой штукатурки и крови. Оно имело звук — звон бьющегося зеркала. Слишком реальный для кошмара.

Он попытался сесть. Тело не слушалось, было ватным, чужим. С огромным усилием он спустил ноги на пол и увидел сверкающую россыпь стекла. Разбитый стакан. Вчерашняя ярость показалась ему сейчас детской истерикой по сравнению с той ледяной, безмолвной эстетикой убийства, которую он, кажется, видел ночью.

Он потянулся к телефону, лежащему на подлокотнике. Экран был заляпан жирными отпечатками пальцев и пылью. На часах было 10:47 утра. Пятница. Сорок семь пропущенных вызовов. От начальника, от коллег из отдела, и с незнакомого городского номера. Телефон разрывался от уведомлений в мессенджере.

Он нажал на последний пропущенный. Не успел гудок прозвучать и двух раз, как трубка взорвалась криком:

— Артем! Ты где?! Ты совсем охренел?! — голос Сомова, начальника отдела, звенел от бешенства. — Почему ты не на рабочем месте? Почему Строганов трубку не берет?! У нас совещание с гендиректором через двадцать минут по проекту «Северстали»! У тебя одного цифры на руках! Ты что, решил меня под монастырь подвести, щенок?!

Артем отодвинул трубку от уха. Крик начальника звучал как скрежет гвоздем по стеклу. Информация о Строганове заставила его сердце пропустить удар. Сон. Всего лишь сон. Идиотский, пьяный, больной сон. Строганов сейчас, наверное, нарезает круги по своей «хрущевке» или спит с Лерой. Или у него сел телефон. Или... Мир не мог измениться по щелчку пьяного сознания.

— ...и скажи этому пижону Строганову, если он через пять минут не появится на горизонте, я ему такую характеристику напишу, что он в нашем городе дворником не устроится! Ты меня слышишь?!

— Я болен, — хрипло ответил Артем. Его голос действительно звучал так, словно он неделю полоскал горло наждаком. — Температура... Простыл.

— Да мне насрать на твою простуду! — взвизгнул Сомов, но в его голосе уже слышалась обреченность. — Все. Поздно. Если найду Строганова, вылетишь у меня с премии. Понял?

В трубке запищали гудки. Артем отбросил телефон. В висках стучало. Он поднялся, шатаясь, прошел на кухню и, не глядя, схватил первую попавшуюся кружку — ту самую, с красным следом помады. Налил воды из-под крана. Вода была теплой, отдавала ржавчиной, но сейчас она казалась эликсиром жизни. Он пил, глядя в окно на серый двор-колодец.

В голове крутилась одна мысль: «Почему Строганов не на работе?». Вадим Строганов был карьеристом до мозга костей. Он мог пропустить день рождения матери, свидание с любовницей, но совещание с гендиректором он не пропустил бы никогда. Это было выше его сил. Это было его религией.

Рука сама потянулась к телефону. Он открыл новостную ленту города. Бездумно скроллил вниз, пролистывая рекламу доставки суши, репортажи об уборке снега и сообщения о новых штрафах. Он искал... он сам не знал, что искал. Подтверждения своему безумию.

И он нашел.

Новость висела в самом верху, отмеченная красной плашкой «СРОЧНО». Заголовок врезался в глаза, как тот самый осколок стакана, но уже в сердце.

«ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В ЦЕНТРЕ ГОРОДА. ТЕЛА МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ НАЙДЕНЫ В КВАРТИРЕ НА УЛИЦЕ ЭНГЕЛЬСА».

Внутри у Артема что-то оборвалось и полетело в бездонную пропасть. Это был даже не страх. Это было физическое ощущение падения в ледяную воду, когда легкие сводит судорогой, и ты не можешь вдохнуть. Улица Энгельса. Он знал этот дом. Он тысячу раз ждал Леру у этого подъезда с букетом цветов.

Пальцы дрожали так сильно, что он с трудом ткнул в ссылку.

Страница грузилась мучительно долго, секунды растягивались в часы. Наконец, текст появился. Он не читал, он *впитывал* буквы глазами, выхватывая ключевые фразы:

«...сегодня утром соседи вызвали полицию, почувствовав резкий запах газа из квартиры... прибывшие на место сотрудники газовой службы и участковый обнаружили тела... женщина примерно 25-27 лет и мужчина 30-35 лет... смерть женщины наступила в результате удушья... мужчина скончался от множественных колото-резаных ранений грудной клетки... орудие преступления не найдено... на месте работает следственно-оперативная группа... по предварительной версии, убийство носит бытовой характер, возможно, на почве ревности...»

Ревность.

Бытовой характер.

Слова прыгали перед глазами, сливаясь в кровавое месиво. «...от множественных колото-резаных ранений грудной клетки...» Это же Строганов. Он видел, как осколок зеркала входил ему под левую ключицу. Видел. Во сне. Но *это* не могло быть сном.

Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Не от похмелья. От ледящего, парализующего ужаса. Он бросился к раковине, и его вывернуло водой и желчью. Спазмы сотрясали тело, выламывая ребра. В ушах стоял тот самый нечеловеческий голос: «*Неверная. Ничтожество*».

Отплевавшись и умывшись ледяной водой, он поднял глаза и посмотрел на свое отражение в маленьком зеркальце над раковиной. Из мутной амальгамы на него смотрел совершенно чужой человек. Под глазами залегли черные, почти фиолетовые круги. Кожа приобрела сероватый, нездоровый оттенок, словно присыпанная пеплом. Но самым страшным были глаза. Они были те же — карие, с зелеными крапинками, но в них поселилось что-то новое. Какая-то *пустота*. Нет, не пустота. *Знание*. Они смотрели с холодной, отстраненной мудростью чело-

века, который переступил черту, которую переступать нельзя, и не нашел по ту сторону ничего, кроме тишины.

Он медленно, словно боясь потревожить собственную тень, вернулся в комнату. Сел на край дивана, прямо на хрустящие осколки разбитого стакана. Взял телефон, нашел тот самый снимок, сделанный в их последнюю счастливую субботу. Лера улыбалась, запрокинув голову, солнце путалось в ее волосах. Живая. Теплая. Любившая его. Или нет? Или все это время ее улыбка была лишь декорацией, а в мыслях она уже примеряла фамилию Строганова?

Он вспомнил алую фигуру. Вспомнил подол пальто, тяжелый, словно литой из рубинов. Вспомнил это чувство... *всемогущества*. Он просто *подумал* об их смерти, проваливаясь в пьяное небытие, и они умерли. Они были наказаны. Казнены. Его волей, его ненавистью, воплощенной в этом жутком, прекрасном, кровавом фантоме.

Ужас никуда не делся. Он осел где-то на самом дне души, как радиоактивный осадок. Но поверх этого ужаса, как масляное пятно по воде, начало расплзаться другое, более сильное, более пьянящее чувство.

Сила.

Он — никто. Менеджер с унылой физиономией, как выразился покойный Строганов. Вчера он разбил стакан об стену в припадке бессильной ярости. Сегодня он смотрит на экран телефона и видит новость о том, что его обидчики мертвы. Убиты самым зверским и, чего уж греха таить, самым изощренным способом, какой только можно было представить. Способом, достойным пера какого-нибудь декадентского писателя.

Он вдруг подумал о том, как удивительно *чисто* было совершено убийство. Никаких следов. Орудие преступления осталось там, в кошмаре. Фигура в красном пальто не существует в реальном мире. Она — порождение его искалеченной души, его ангел-мститель, его ручной демон.

Он поднял голову и посмотрел на стену, куда вчера врезался стакан. На бетоне осталась небольшая выбоина и едва заметный след — словно крошечный кратер. Он посмотрел на осколки стекла под ногами, переливающиеся в утреннем свете.

Он понял, что мир — это огромный, грязный, залитый дешевым светом кабак, полный таких же Вадимов Строгановых и Лер. Полный измен, лжи, подлости, предательства. Полный пошлости, которая убивает медленно, смакуя. И вчера, в пьяном угаре, сам того не желая, он нашел рычаг. Он нашел способ вычищать эту грязь. Не мытьем, так катаньем. Не уговорами, так кровью.

Он откинулся на спинку дивана. Губы, потрескавшиеся от жажды и желчи, тронула слабая, едва заметная улыбка. Улыбка человека, который только что нашел смысл жизни на дне бутылки дешевого виски.

В голове, заглушая и вой сирен за окном, и стук собственного испуганного сердца, и даже голос совести, пытающейся пробиться сквозь толщу похмелья, звучало новое, тяжелое, как колокол, слово:

Карающая длань.

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки офисного работника. Чуть бледные, с обкусанными заусенцами. Но теперь он знал, что в них заключена сила, о которой не догадывается никто. Сила, которая приходит во сне, одетая в алое пальто цвета свежей, еще теплой, праведной крови.

Он встал. Подошел к окну. За окном был все тот же серый двор-колодец, залитый бетоном и равнодушием. Где-то там, за стенами, люди жили своей грязной, лживой жизнью, не подозревая, что в квартире номер 54 на четвертом этаже проснулся тот, кто больше не будет терпеть. Тот, кто научился смотреть на мир сквозь призму разбитого стакана и видеть в осколках не мусор, а лезвия.

Он еще не знал, кто будет следующим. Он не знал правил игры. Он не знал, сможет ли он контролировать Красное Пальто или оно подчиняется только импульсам чистой, незамутненной ярости. Это предстояло выяснить. Но одно он знал точно: прошлая жизнь, жизнь бессловесной тени и объекта для насмешек, закончилась сегодня утром вместе со звонком из офиса.

Впереди была тишина. И в этой тишине эхом разносился его собственный, пока еще нерешительный, но уже обреченный шепот:

— Я изменю этот прогнивший мир.

И где-то на границе слуха, за шумом воды в старых трубах, ему почудилось, как тяжелый подол алого пальто скользнул по бетонному полу подъезда, возвращаясь в тень, ожидая следующего приказа.

Глава 2: Анатомия вознесения

В субботу утром мир пах иначе. Артём понял это, едва разлепив веки. Вчерашний смрад перегара и ржавой воды из-под крана выветрился, уступив место странной, почти стерильной свежести. Так пахнет в квартире после генеральной уборки, когда вымыли даже плитуса и выбросили весь хлам, копившийся годами. Хотя он ничего не убирал. Бутылка «Red Stag» сиротливо стояла на столе с остатками мутной жидкости на доньшке, осколки разбитого стакана всё еще хрустели под ногами, а в раковине засохли следы его ночной рвоты. Но запах *изменился*. Словно сам воздух в квартире прошел через какой-то невидимый фильтр, отсеявший всё лишнее, всё грязное, всё человеческое.

Он сел на диване. Голова больше не болела. Совсем. Это было первое чудо нового утра. После такого количества выпитого дешевого поила он должен был умирать, моля о пощаде, но вместо этого чувствовал в теле необыкновенную, пружинистую лёгкость. Мышцы не ныли, суставы не скрипели. Он словно сбросил старую, изношенную кожу и остался в новой, упругой, идеально подогнанной по размеру. Он поднес руку к лицу и посмотрел на тыльную сторону ладони. Вены проступили четче, кожа казалась почти прозрачной, фарфоровой, но при этом наполненной изнутри каким-то тёмным, густым свечением. Словно под ней текло не вино и не кровь, а расплавленный обсидиан.

Память о той ночи не мучила его — она *располагалась* в сознании, как книга на полке. Он мог взять её, открыть на любой странице и перечитать. Страница первая: офис, кулер, запах духов Леры, смех Строганова. Страница вторая: алый силуэт в размытом, текучем мире, пальцы на горле, родинка под ключицей. Страница третья: утренний звонок начальника и новостная лента, разорвавшая реальность на «до» и «после».

Он ожидал, что его накроет. Что придут они — стыд, ужас, раскаяние, паника. Что он начнёт метаться по квартире, хвататься за голову, звонить в полицию с повинной или, на худой конец, рыдать в подушку, проклиная тот миг, когда купил эту проклятую бутылку виски. Но ничего не происходило. Внутри было тихо. Не просто тихо — *благоговейно* тихо. Как в пустом храме перед рассветом, когда даже Бог ещё спит, и только лампы чуть потрескивают в алтаре.

Он встал и босиком, не обращая внимания на осколки (они больше не резали — то ли ступни огрубели, то ли стекло стало мягким), прошёл на кухню. Включил чайник. Достал с полки пачку дешёвого цейлонского чая с бергамотом, который Лера всегда ругала за «запах дешёвого одеколлона». Лера. Имя больше не вызывало спазма. Оно было пустым звуком, как название давно закрытого кафе, в котором когда-то подавали вкусные круассаны, но теперь там кальянная с сомнительной репутацией. Воспоминание о ней больше не жгло — оно *покоилось* где-то в глубине, аккуратно упакованное в саван из красной ткани.

Он заварил чай, сел за стол и посмотрел на свою кружку. Еще недавно на ней был след её помады. Сегодня кружка была чистой. Он не помнил, чтобы мыл её. Возможно, в пьяном угаре вытер рукавом. А возможно, реальность сама избавилась от этой детали, как организм избавляется от занозы, выталкивая её наружу.

Артём сделал глоток. Чай был обжигающим, терпким, с той самой нотой дешёвого одеколлона, которая раньше его раздражала, а теперь казалась уместной — резкой, мужской, очищающей. Он смотрел в окно на серый двор-колодец, но видел не его. Он видел *карту*. Невидимую, но отчётливую карту города, раскинувшуюся перед его внутренним взором. На этой карте горели огни. Тысячи, миллионы крошечных, грязно-жёлтых, чадящих огоньков. Каждый огонёк — это чья-то подлость, чьё-то предательство, чья-то мелочная, липкая злоба. Этот город, этот мир был болен. Он гнил изнутри, как яблоко, поражённое паршой, но притворялся спелым и румяным. И вчера, сам того не ведая, Артём сорвал первое гнилое яблоко с ветки.

Точнее, даже не сорвал — просто *подумал* о нём с достаточной силой ненависти, и оно упало само, разбившись в кровавую кашу об асфальт реальности.

Он отпил ещё чаю и улыбнулся. Улыбка вышла странной, однобокой, словно мышцы лица ещё не привыкли к новому способу выражения эмоций. Это была не весёлая улыбка и не злорадная ухмылка. Это была улыбка *понимания*. Он понял, *кто* он теперь. Он больше не Артём, менеджер среднего звена, унылая физиономия, объект для насмешек. Он — инструмент. Скальпель в руках неведомого хирурга. Или, если угодно, кисть в руках художника, который решил переписать эту безвкусную, пошлую картину под названием «человечество».

Он вспомнил слова, которые пришли к нему на грани сна и яви вчера: *Карающая длань*. Да, это звучало пафосно, почти по-детски. Но в этой пафосности была своя, глубинная правда. Мир не понимает тихих слов. Мир понимает только жесты. Громкие, кровавые, необратимые жесты.

Он допил чай и решил, что пора начинать новый день. Новую жизнь. Он подошёл к зеркалу в прихожей. Вчера из мутной амальгамы на него смотрел затравленный, серый человек с фиолетовыми кругами под глазами. Сегодня отражение изменилось. Круги остались, но они больше не казались признаком усталости. Они напоминали тени от капюшона. Тени, в которых пряталось что-то древнее и голодное. Глаза смотрели прямо, спокойно, без тени сомнения. В них больше не было страха — только холодное, ясное *присутствие*. Словно за его зрачками стоял кто-то ещё. Тот, кто носит красное пальто и не оставляет следов.

Он принял душ. Горячая вода хлестала по плечам, смывая остатки вчерашнего пота, и ему казалось, что вместе с водой в слив уходит всё человеческое, всё слабое, всё то, что делало его «Артёмом». Имя всё ещё было при нём, но оно стало как старая одежда, которую носишь по привычке, хотя в шкафу уже висит новый, безупречно сшитый костюм. Он вытерся, надел чистую футболку и джинсы, заварил ещё одну кружку чая и сел за ноутбук.

Новости он уже видел. Но теперь ему нужно было другое. Ему нужно было *понять*, как это работает. Он открыл поисковик и набрал: «Убийство на улице Энгельса подробности». Выпала куча ссылок. Местные паблики во «ВКонтакте» уже раздули из этого сенсацию. Он пролистывал заголовки, выхватывая детали: «...соседи утверждают, что слышали странный звук, похожий на звон стекла, около двух часов ночи...», «...погибшая Лера М. работала маркетологом, коллеги в шоке...», «...Вадим С., менеджер по продажам, характеризовался как ответственный сотрудник...», «...следствие рассматривает версию убийства на почве ревности, однако круг подозреваемых пока не очерчен...».

Он читал эти строки, и по его телу разливалось тепло. Это было извращённое, почти эротическое удовольствие. Он, сидя в своей убогой студии с видом на помойку, читал о том, как мир пытается осмыслить его *сон*. Мир суетится, ищет мотивы, опрашивает свидетелей, строит версии, а ответ лежит на поверхности — точнее, на дне стакана с дешёвым виски в его раковине. Но этот ответ никто никогда не найдёт, потому что он находится за пределами рационального. За пределами их убогой, материалистической картины мира.

Он кликнул на видео с места событий. Камера телефона какого-то зеваки дрожала, снимая оцепленный двор. Мигалки, люди в форме, носилки, накрытые чёрным пластиком. Серое утро, серые лица, серые стены. И вдруг — вспышка. На мгновение, буквально на один кадр, в отражении стеклянной двери подъезда ему почудился *алый блик*. Он вздрогнул и отмотал назад. Ничего. Просто блик от проблескового маячка. Но он знал — это был *он*. Его Красное Пальто. Оно всё ещё там, в отражениях, в тенях, в зазорах между реальностью и сном.

Артём закрыл ноутбук. Он вдруг почувствовал невероятный прилив сил. Словно кто-то подключил его к розетке с напряжением в тысячу вольт. Ему хотелось действовать. Немедленно. Вчера он был сломленным, жалким существом, утопившим свою боль в алкоголе. Сегодня он был *вестником*. Он посмотрел на свои руки. Они больше не казались ему руками

офисного работника. Это были руки *мастера*. Руки, которые могут плести судьбы и обрывать нити.

Он подошёл к окну и распахнул его настежь. Холодный ноябрьский воздух ворвался в квартиру, пахнувший сыростью, бензином и прелыми листьями. Он вдохнул его полной грудью, и этот воздух показался ему слаще любого вина. Он смотрел вниз, на проезжающие машины, на спешащих по своим делам людей, и видел их насквозь. Вот идёт женщина с тяжёлыми сумками, лицо перекошено усталостью и злобой — наверняка дома её ждёт муж-алкоголик, и она срывает свою злость на несостоявшуюся жизнь на кассиршах и кошках. Вот парень на электросамокате, с наушниками в ушах, рассекает по тротуару, не глядя по сторонам, сбивая прохожих — он чувствует себя королём мира, но на самом деле он просто пустое место, потребитель, паразит на теле города. Вот старуха с клюкой, которая сейчас зайдёт в подъезд и будет жаловаться консьержке на шум, на молодёжь, на жизнь — она давно умерла внутри, но продолжает гнить заживо, отравляя воздух вокруг себя.

Он смотрел на них, и в его груди разгоралось новое, незнакомое чувство. Это была не ненависть. Ненависть — слишком мелкое, слишком личное чувство. Это было *презрение*, возведённое в абсолюте. Презрение существа высшего порядка к копошащимся в грязи насекомым. Но вместе с презрением пришло и нечто иное. *Сострадание*. Да, как ни странно. Он жалел их. Жалел за то, что они не знают, что такое настоящая жизнь. За то, что их удел — бесконечное, серое, бессмысленное существование, наполненное мелкими дрызгами, изменами, кредитами и болезнями. Они не жили — они *функционировали*, как испорченные механизмы, скрежеща шестерёнками душ.

И он, Артём, мог их *освободить*...

Эта мысль ударила его, как молния. Не просто наказать виновных в чём-то конкретном. А *освободить* мир от балласта. От тех, кто тянет его на дно своей тяжестью, своей пошлостью, своей бесполезной жестокостью. Ведь если разобраться, каждый из этих людей — маленький Строганов или маленькая Лера. Каждый из них в той или иной степени предаёт, лжёт, крадёт, разрушает. Просто масштабы разные. Кто-то изменяет жене, кто-то обсчитывает покупателей, кто-то пишет гневные комментарии в интернете, отравляя эфир злобой. Они все — винтики огромной, ржавой машины, перемалывающей доброту и красоту в серую пыль.

Он может остановить эту машину. Винтик за винтиком.

Он отошёл от окна, закрыл створку и прошёл в комнату. Сел в кресло, которое раньше называл «троном неудачника», потому что оно было продавленным, с торчащей пружиной. Теперь это кресло казалось ему *командным пунктом*. Он откинулся на спинку и прикрыл глаза. В темноте под веками тут же начали проступать контуры. Размытые, текучие, как в том сне. Но теперь он не боялся их. Он *ждал*.

— Ты здесь? — прошептал он в пустоту. Голос прозвучал глухо, но уверенно.

Ответа не было. Только тишина. Но в этой тишине он почувствовал *присутствие*. Тяжёлое, плотное, словно в углу комнаты стоял кто-то высокий и смотрел на него из-под красного капюшона. Он не открывал глаз. Он знал — чтобы увидеть *Его*, нужно смотреть не глазами. Нужно смотреть тем самым *намерением*, которое он ощутил прошлой ночью.

И он попробовал. Он сосредоточился не на образе, а на *чувстве*. На том холодном, отстранённом, хирургическом спокойствии, которое охватило его в момент, когда Фигура сжимала горло Леры. Он попытался воспроизвести это чувство в себе сейчас, на трезвую голову. Это было трудно. Дневной свет, звуки улицы, остатки человеческой рефлексии — всё мешало. Но он старался. Он представлял, как его сознание сужается в тонкий луч, как этот луч проходит сквозь стены, сквозь город, сквозь саму ткань реальности и упирается в...

Вспышка. На мгновение перед внутренним взором возникло видение. Не сон, а именно видение, яркое и чёткое, как кадр из фильма. Он увидел *свой* двор-колодец, но не сверху, а снизу, словно он стоял внизу и смотрел вверх на собственное окно. И в его окне он увидел себя,

сидящего в кресле с закрытыми глазами. А за своей спиной, в глубине комнаты, он увидел *Его*. Красное Пальто стояло неподвижно, как статуя, и смотрело ему в затылок. Не угрожающе, не выжидающе — просто *присутствовало*. Как верный пёс, ожидающий команды.

Видение исчезло. Артём открыл глаза. Сердце колотилось как бешеное, но не от страха, а от восторга. Он понял: связь есть. Она не разорвалась с рассветом. Она ждёт, когда он снова погрузится в то состояние — состояние чистой, незамутнённой *воли*. А для этого ему нужна... цель. Нужна новая цель. Новая гнилая ягода на ветке мирового дерева.

Он встал и начал ходить по комнате. Возбуждение требовало выхода. Он больше не мог сидеть на месте. В голове роились сотни мыслей, планов, идей. Кто следующий? Как выбирать? Должен ли быть какой-то ритуал? Или достаточно просто сильно захотеть? Вчера всё произошло спонтанно, на пике боли и алкогольного отчаяния. Сегодня он трезв, спокоен и собран. Сегодня он будет действовать осознанно.

Он подошёл к книжной полке. Там стояли книги, купленные ещё в студенчестве, когда он пытался казаться умнее, чем есть. Достоевский, Ницше, Камю, томик стихов Бодлера. Он провёл пальцем по корешкам. «Преступление и наказание». Усмехнулся. Раскольников убил старуху-процентщицу и мучился, потому что был слаб. Потому что он убил *своими руками*, испачкался в крови, оставил следы. У него, у Артёма, руки чисты. За него всё делает *Оно*. Он — лишь *намерение*, лишь спусковой крючок.

Он взял с полки томик Ницше. «Так говорил Заратустра». Открыл наугад. Взгляд упал на строки: «*Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью*». Да, это про него. Он больше не животное, движимое инстинктами и страстями. Он уже шагнул на этот канат. И пропасть под ним не пугает — она манит своей глубиной. А сверхчеловек... что ж, возможно, он станет им, когда очистит этот мир достаточно, чтобы в нём могло родиться что-то новое.

Он захлопнул книгу и положил её на стол. Затем подошёл к окну и снова посмотрел вниз. На этот раз его взгляд выхватил из толпы конкретную фигуру. Мужчина лет пятидесяти, в дорогом пальто, выходит из чёрного внедорожника, припаркованного прямо на газоне. Он не просто припарковался — он вылез из машины, бросил окурок прямо на траву и, не глядя по сторонам, направился к подъезду соседнего дома. Лицо у него было сытое, надменное, с тяжёлой челюстью и маленькими, заплывшими глазками. Весь его вид кричал: «Я здесь главный, я купил этот город, я могу всё».

Артём не знал этого человека. Но он мгновенно его *почувствовал*. От него исходила волна гнили, похоти, презрения ко всему живому. Это был хищник, но не благородный волк, а скорее гиена, жиреющая на падали. Он наверняка обманывал партнёров, изменял жене с секретаршей, бил детей ремнём «для профилактики» и смотрел на мир как на свою личную кормушку. Такие люди не просто бесполезны — они *вредоносны*. Они отравляют воздух, которым дышат другие.

Вот она, первая цель в новом статусе.

Артём смотрел на этого человека, пока тот не скрылся в подъезде, и запоминал. Запоминал его походку, его запах (воображаемый, но от этого не менее отвратительный — смесь дорогого одеколона и застарелого пота), его ауру. Он не знал его имени, но это было и не нужно. Ему нужно было *намерение*. Чистое, сфокусированное, как луч лазера.

Он отошёл от окна, сел за стол и взял лист бумаги. Начал писать. Не план убийства, нет. Он начал писать *манифест*. Слова лились сами, рука едва поспевала за мыслями.

«*Мир болен. Он гниёт изнутри, поражённый метастазами лжи, предательства и пошлости. Люди перестали быть венцом творения — они стали раковой опухолью на теле планеты. Они плодятся, потребляют, испражняются и умирают, оставляя после себя лишь горы мусора и выжженную землю. Но самое страшное — они уничтожают друг друга. Не оружием — оружием хотя бы честно. Они уничтожают друг друга равнодушием, мелкими*

подлостями, изменами, обманом. Они превратили любовь в товар, дружбу — в взаимовыгодное сотрудничество, а жизнь — в бесконечную гонку за пустыми побрякушками.

Я, Артём, был одним из них. Я был слеп. Я любил ту, что предала меня. Я работал с теми, кто презирал меня. Я плыл по течению этой грязной реки и захлёбывался в ней. Но вчера я обрёл прозрение. Я увидел Истину. Я увидел Красное Пальто.

Оно пришло ко мне, когда я был сломлен. Оно исполнило моё первое, самое искреннее желание — желание справедливости. И теперь я знаю: я избран. Не богами, не дьяволом — самим Мирозданием, уставшим терпеть эту грязь. Я — скальпель в руках Хирурга. Я — огонь, который выжжет заразу. Я — Карающая Длань.

Я не убийца. Я — санитар леса. Я буду очищать этот мир от гнили. От тех, кому жизнь дана зря. От тех, кто делает этот воздух непригодным для дыхания. Я буду делать это не из мести и не из ненависти. Я буду делать это из Любви. Из любви к тому миру, который может быть, если убрать из него всё лишнее. Из любви к тем редким, чистым душам, которые ещё остались и которые задыхаются в этом смраде.

Красное Пальто — мой инструмент. Оно не знает жалости, ибо жалость — удел слабых. Оно знает только Волю. Мою Волю. И пока моя Воля чиста, пока я действую не ради себя, а ради Идеи, — оно будет служить мне.

Сегодня я делаю первый осознанный шаг. Я выбираю цель не по зову личной обиды, а по зову Долга. Я смотрю на мир и вижу гнилые плоды. Я срываю первый из них. А потом второй. Третий. И так до тех пор, пока дерево не очистится.

Пусть этот манифест будет моим Евангелием. Пусть он напоминает мне, зачем я это делаю. Не ради славы, не ради власти, не ради денег. Ради Чистоты. Ради того, чтобы однажды утром я открыл окно и вдохнул воздух, в котором не будет ни капли лжи.»

Он перечитал написанное. Слог был неровным, местами пафосным, местами наивным. Но в этих корявых строках пульсировала такая искренняя, такая обжигающая вера, что у него самого перехватило дыхание. Он аккуратно сложил лист пополам, потом ещё раз, и убрал его в ящик стола, подальше от чужих глаз. Это будет его тайное писание. Его компас в мире, который он собирается изменить.

День тянулся бесконечно. Артём не мог найти себе места. Он пытался смотреть фильмы, но сюжеты казались плоскими, а диалоги — фальшивыми. Он пытался читать, но слова расплывались перед глазами, не задерживаясь в сознании. Он даже попробовал поесть — разогрел в микроволновке вчерашние макароны с сосисками, но еда казалась безвкусной, как бумага. Тело больше не требовало пищи. Оно требовало действия.

Он несколько раз выходил на балкон и смотрел на соседний дом, в подъезд которого утром зашёл тот самый мужчина в дорогом пальто. Он представлял, как тот сидит сейчас в своей огромной, безвкусно обставленной квартире, пьёт коньяк, орёт на жену или смотрит порнографию на огромном плазменном экране. Он представлял его жизнь — пустую, сытую, лишённую всякого смысла, кроме накопления денег и удовлетворения низменных инстинктов. И с каждым часом его намерение становилось всё более плотным, концентрированным, тяжёлым.

К вечеру он почувствовал знакомую усталость. Не ту, что валит с ног после рабочего дня, а другую — сладкую, тягучую, предвещающую погружение. Он понял: пора. Солнце уже село, за окнами сгущались ранние ноябрьские сумерки. Комнату заполнил сизый полумрак, в котором предметы теряли чёткость, становясь похожими на декорации из его первого сна.

Он не стал пить. Алкоголь был лишь случайным катализатором в первый раз. Теперь он знал дорогу сам. Он разделся до трусов и майки, лёг на диван, на то самое место, где ещё вчера корчился в муках ревности, и закрыл глаза. Он специально не укрывался одеялом — ему нужен был холод, чтобы тело онемело и перестало отвлекать сознание.

Он начал дышать медленно и глубоко. Вдох — выдох. Вдох — выдох. Сердце замедляло свой бег. Мысли, ещё недавно скакавшие, как бешеные белки, начали успокаиваться, выстраиваться в ровные, параллельные линии. Он представил перед внутренним взором лицо того мужчины. Нечёткое, составленное из обрывков утреннего наблюдения: тяжёлая челюсть, заплавленные глазки, брезгливая складка у рта. Он представил его ауру — грязно-бурую, с прожилками гноя.

Я хочу, чтобы этот человек исчез, — сформулировал он мысль, но тут же осёкся. Нет, это было не «я хочу». Это звучало эгоистично, по-человечески. Он должен думать иначе. Он не Артём, который чего-то хочет. Он — *инструмент*. Инструмент не хочет, инструмент *исполняет*.

Этот человек — гнилой плод на ветке. Он отравляет почву. Его присутствие делает мир хуже. Его смерть очистит воздух. Его исчезновение — благо.

Он повторял эти формулы про себя, как мантру, как молитву. И постепенно реальность начала *плыть*. Знакомое ощущение — словно он проваливается сквозь диван, сквозь пол, сквозь фундамент дома, в какую-то вязкую, тёмную субстанцию. Звуки внешнего мира — шум машин, лай собак, голоса соседей за стеной — стали глуше, словно их замотали в толстый слой ваты. А на смену им пришла *тишина*. Глубокая, космическая тишина, в которой слышно только биение его собственного, замедленного сердца.

И в этой тишине он снова *увидел*.

Мир снова был размытым, текучим, как старая акварель, на которую плеснули водой. Но теперь Артём не был пассивным наблюдателем. Он чувствовал *связь* острее. Он был не просто линзой — он был *источником сигнала*. Он излучал волну, и где-то в этом сером, плывущем пространстве эта волна находила приёмник. Красное Пальто.

Фигура стояла в подъезде. В том самом подъезде, куда утром зашёл мужчина. Артём узнал его по обшарпанным стенам, выкрашенным зелёной масляной краской до середины, и по разбитому почтовому ящику с номером 47. Фигура стояла неподвижно, лицом к лестнице, спиной к входной двери. Алый подол касался грязного бетонного пола, но не пачкался. Казалось, грязь сама отступает от этой ткани, не смея к ней прикоснуться.

Артём *приказал*: *Вверх. Четвёртый этаж. Квартира справа.*

И Фигура двинулась. Беззвучно, плавно, как призрак. Ступени не скрипели под её тяжестью, хотя весила она, судя по ощущениям, целую тонну. Это была тяжесть не физическая, а *метафизическая*. Тяжесть приговора, который не подлежит обжалованию.

На площадке второго этажа горела тусклая лампочка, и в её жёлтом, болезненном свете Артём впервые разглядел детали одежды Фигуры. Под красным пальто был надет тёмный, почти чёрный костюм строгого покроя. Белая рубашка, но без галстука. Верхняя пуговица расстёгнута. И руки. Теперь он видел руки отчётливее. Они были бледными, с длинными, изящными пальцами, но суставы казались чуть более выступающими, чем у обычного человека, словно обтянутые тонкой кожей механические шарниры. Ногти были аккуратно подстрижены, но под каждым темнела тонкая чёрная полоска — как будто там запеклась кровь, которую невозможно отмыть.

Они поднялись на четвёртый этаж. Дверь нужной квартиры была обита дорогим дерматином, с бронзовой табличкой «С.В. Князев». Значит, у цели есть фамилия. Князев. Князь. Смешно. Князь грязи и навоза.

Изнутри доносились звуки. Не музыка, не телевизор — крик. Грубый, мужской голос орал, срываясь на визгливые ноты:

— ...я сказал, сука, ужин в шесть! А сейчас сколько?! Время видела?! Ты чем там занимаешься, тварь?! Опять с подружками по телефону лясы точишь?! Я тебя кормлю, пою, одеваю, а ты, дрянь, даже борщ вовремя сварить не можешь?!

Звук глухого удара. Кажется, ладонью по лицу. Женский вскрик, тут же подавленный. Плач. Тихий, сдавленный, привычный. Так плачут те, кого бьют годами и кто уже разучился плакать в голос, чтобы не раздражать мучителя.

Артём почувствовал, как внутри него, в том сгустке воли, который сейчас был его «я», поднимается горячая, почти сладостная волна. Это была не ярость — это было *предвкушение*. Вот оно, подтверждение. Он не ошибся. Этот человек — именно то, чем он его посчитал. Гнилое яблоко. Паразит. Его смерть будет не убийством, а *актом милосердия* по отношению к его жене, к соседям, к миру.

Фигура подняла руку и нажала на кнопку звонка. Мелодичный перезвон колокольчиков раздался в квартире, резко контрастируя с той грязью, что творилась внутри.

Крики стихли. Тяжёлые шаги. Дверь распахнулась.

На пороге стоял Князев собственной персоной. В дорогом шёлковом халате, распахнутом на волосатой груди, с бокалом янтарного коньяка в руке. Лицо его было красным, потным, перекошенным от злобы, которую прервали на самом интересном месте. Маленькие глазки злобно сверлили Фигуру.

— Чего надо?! — рявкнул он, обдав пространство запахом дорогого алкоголя и чеснока.

Фигура молчала. Капюшон был низко надвинут, скрывая лицо в глубокой тени. Князев всмотрелся в эту тень и, видимо, что-то почувствовал. Его злоба на секунду сменилась недоумением, а затем — проблеском животного страха. Инстинкты, древние, как сам вид человека, забили тревогу.

— Ты глухой?! Я спрашиваю, кого принесло?! — голос его дрогнул, потерял уверенную командирскую сталь.

И тогда Фигура сделала шаг вперёд. Князев, мужчина крупный, весом под центнер, инстинктивно попятился, словно на него надвигалась не худощавая фигура в пальто, а асфальтоукладочный каток. Он влетел спиной в прихожую, зацепил плечом вешалку с дублёнками, и та с грохотом рухнула.

— Валька! Звони в милицию! — заорал он, но голос сорвался на пороссячий визг.

Из глубины коридора показалась женщина. Худая, измождённая, с распухшим от слёз лицом и свежим синяком под левым глазом. Она посмотрела на Фигуру в красном, потом на своего мужа, пятящегося вглубь квартиры, и... замерла. В её глазах не было страха. В них была пустота. И в этой пустоте, на самом дне, затлел крошечный, едва заметный огонёк *надежды*.

Фигура медленно, неотвратимо двигалась за Князевым. Тот уже вжался в стену в конце коридора, рядом с дверью в туалет. Он выставил перед собой руки с бокалом, словно этот хрусталь мог его защитить.

— Деньги есть! Много! Бери, что хочешь! Только не трогай! — залепетал он, и от его недавнего величия не осталось и следа. Сейчас это был просто жирный, перепуганный кусок мяса.

Фигура остановилась в полуметре от него. Рука в чёрном рукаве медленно поднялась. Длинные, бледные пальцы с чёрной каймой под ногтями сомкнулись на горле Князева. Не сжимая, просто *обозначая* присутствие. Кожа Князева под этими пальцами мгновенно побледнела, словно из неё вытянули всё тепло.

И тогда из-под капюшона раздался голос. Тот самый — шелест песка по стеклу, скрип половиц в пустом доме, звук, с которым рвётся шёлк.

— *Насильник*. — одно слово, произнесённое с ледяным, констатирующим спокойствием.

— *Тиран*. — второе слово упало, как камень в колодезь.

— *Паразит*. — третье, и пальцы начали сжиматься.

Князев захрипел. Его лицо из красного стало багровым, потом фиолетовым. Бокал выпал из ослабевших пальцев и разбился о паркет, забрызгав коньяком его босые ноги. Он пытался

оторвать руку Фигуры, но это было всё равно что пытаться разжать гидравлический пресс голыми руками. Его глаза вылезали из орбит, в них плескался животный, первобытный ужас существа, которое вдруг поняло, что оно смертно.

Артём смотрел на это, и его переполняло странное чувство. Он был *справедливостью*. Не той слепой, равнодушной Фемидой с весами, а живой, дышащей, карающей Справедливостью. Он смотрел, как угасает жизнь в глазах человека, который годами терроризировал свою семью, и чувствовал, как мир вокруг этой квартиры становится *чутьочку чище*. Словно кто-то открыл форточку в душной, прокуренной комнате.

Когда тело Князева обмякло и сползло по стене на пол, оставляя на дорогих обоях мокрый след, Фигура разжала пальцы. Она повернулась к женщине, которая всё так же стояла в начале коридора, прижав ладони ко рту. Теперь в её глазах не было пустоты. Там плескался ужас пополам с... *освобождением*. Слезы текли по её щекам, но она не издавала ни звука.

Фигура сделала шаг к ней. Женщина не шелохнулась. И тогда Артём, через свою связь, *почувствовал*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.